

ДОРОГОЙ ГЕОРГ! Отлично, что ты еще не празднуешь своего столетия-десятилетия, потому что тогда я просто был бы лишен возможности написать тебе о том, чем переполнено мое сердце.

Ты — сильный сын северной страны с ее снежными полями, белыми ночами, сааремааскими покосами, сын песенного народа, явился в этот мир вместе с весной, и это придало тебе неисправимое свойство — теплую улыбку и музыкальность, расцветают, как луг цветам.

Не сердись, что не найдешь в моем письме ничего, что затронуло бы тебя как выдающегося певца, неутомимого труженика, видную фигуру эстонского вокального искусства — в любом аспекте. Не делаю этого потому, что твоя музыкальная деятельность, твои успехи всем известны, и повторять это, зная твой характер, твою скромность, было бы, по крайней мере для тебя, излишне. Достаточно сослаться только на один пример, свидетельствующий о твоей популярности.

Вместе с Государственным Академическим мужским хором мы приехали с концертами в далекую Сибирь и днем прогуливались по улице, названию которой я уже не помню. К нам подошла группа подростков, они спросили, откуда мы, что за люди. Узнав, что мы из Эстонии, певцы Академического мужского хора, они с удивлением заметили: «Таких певцов мы еще никогда не слышали. Но если вы из Эстонии, значит, знаете Георга Отса, слышали его песни?» Получив утвердительный ответ, они засыпали нас вопросами о тебе.

Хочу напомнить тебе через молодежную газету о моментах и настроениях, которых ты, может быть, уже и не помнишь, но актуальность и блеск которых до сих пор не потеряли. Порыться в шкатулке воспоминаний — занятие очень приятное.

Когда я увидел тебя в первый раз, тебе как раз исполнилось 22 года. Ты стоишь перед моими глазами невозможно высоким и худой (автор этих строк маленького роста и толстяк), и все равно симпатичный молодой человек, который на всякий вопрос отвечал кивком и легкой улыбкой, не тратя слов. Волосы у тебя

были светлее и гуще, а вот брови тоньше и темнее, чем теперь. На тебе была довольно длинная солдатская гимнастерка из офицерского сукна, без знаков различия и ремня, на ногах сапоги с брезентовыми голенищами, которые явно просили каши. Ты стоял в слабо освещенном коридоре, где помещался небольшой бильярд, с кием в руках, и следил взглядом за партнером, который играл лучше тебя, как он кладет шар в лузу.

Это было тогда, когда Красная Армия вела беспощадные бои с ненавистным врагом, когда мы чувствовали, что армия, на стороне которой стоял ты и многие твои

земности, которой не хватало очень многим.

Тогда ты делился со мной своими трудностями выбора профессии, говорил о спорте, который во многом скрашивал твою жизнь. Я поразился твоему мужеству, когда узнал, что три корабля, на одном из которых ты шел в Ленинград, были пущены фашистами на дно, и лишь благодаря уменью плавать ты спасся от смерти. Очень тепло, с большим уважением и любовью рассказывал ты о своем отце, тебе его очень не хватало. Ты восторгался его работой, радовался его успехам. И в то же время тебя терзала тревога, ты ничего не

ПИСЬМО ГЕОРГУ ОТСУ

сверстники, автор этих строк, готовила свою великую победу, тогда еще далекую, но неотвратимую. Это было в Ярославле, где находились тогда Эстонские художественные ансамбли, объединившие всех людей, которым было доверено будущее культуры эстонского народа.

Тебя сперва взяли петь в хор, но дирижеры страдали оттого, что твой голос слишком выделялся и «в наказание», которое ты, впрочем, заслужил, заставляли тебя петь перед хором. Но так как эта «беда» унаследована тобой от отца и неисправима, а с годами она еще возрастала, то мера наказания была повышена, приговор гласил — пожизненно петь соло. Не легко тебе приходится!

Не знаю, почему, но после репетиций наши ноги невольно отмеряли путь домой вместе. До сих пор не могу понять, как двое молодых людей, выросших в очень разной домашней обстановке, открыли друг в друге достаточно качества, чтобы вместе делить свой досуг и многие земные радости. Знаю только, что в тебе было очень много романтических мыслей, направленных в будущее, импульсивности, а с другой стороны, столько же уравнове-

нял в своих близких. Ты рассказывал о том, как маленьким мальчиком участвовал в постановке оперы «Кармен», и мечтал сам когда-нибудь выступить в главной роли. Но прежде нужно было кончить войну, чтобы можно было продолжать учиться любимому искусству. Твоя мечта сбылась, и в гораздо большем масштабе, чем ты осмеливался надеяться.

Странно, но это факт, тебе уже не 22, ты уже не тот худой и высокий парень с рюкзаком на щекотках. Ты стал гордостью эстонского и всего советского народа, тебя любят и уважают. Ты достойно продолжишь дело твоего отца, а с той поры у тебя сохранилось доброжелательное отношение к людям и улыбка.

Счастье всегда находило тех, кто не боится трудностей, не боится работы, ищущая свой талант, кто всегда дружил с тружениками. К этим счастливым принадлежишь и ты, потому что ты сам ковал свое счастье. Знаю, сколько ты получаешь сейчас поздравлений, сколько приятных слов сказано о твоих выступлениях в связи с тем, что по календарю тебе исполняется пятьдесят. Я не нахожу слов, которые могли бы больше удивить или обрадовать

тебя, а пожелать тебе хочу лишь одного — чтобы ты мог так же беззаботно и от души смеяться в день своего юбилея, как и тогда вечером в одно дождливое воскресенье в Ярославле, в нашем временном доме, когда ты играл на рояле, который не настраивался, наверно, двести лет и звук которого вызывал наши беспрестанный смех, так что, поиграв немного, ты сказал: «Лучше я все-таки спою!». Пой, Георг, мы все этого хотим!

Прими мое такое же крепкое рукопожатие, как и двадцать восемь лет назад, когда впервые приветствовал тебя. А теперь поздравляю тебя с юбилеем!

Харальд УЙБО.

Фото О. ВИХАНДИ. (ЭТА).